

Юрий Беликов

Беликов Юрий Александрович родился 15.06.1958 в городе Чусовой Пермской области. Окончил филфак ПГУ, отделение журналистики ВКШ при ЦК ВЛКСМ. Работал журналистом в областной газете «Молодая гвардия», в редколлегии журнала «Юность», в «Комсомольской правде», собкором газеты «Трибуна» (Москва), корреспондентом газеты «Звезда» (Пермь). Автор книг стихов: «Пuls птицы» (М., 1988), «Прости, Леонардо!» (Пермь, 1990), «Не такой» (М., 2007). Публиковался в журналах «Юность», «Знамя», «Огонек», «Смена», «День и ночь», «Арион», «Пермский пресс-центр», в альманахах «Пuls», «Лабиринт», «Пермь Третья», «Илья» и др. Участник антологий «Русский верлибр» (М., 1991), «Самиздат века» (М.–Минск, 1997), «Антологии русского лиризма. XX век» (М., 2000). Был инициатором поэтических объединений «Времири» (1977–79), «Политбюро» (1989–90), «Монарх» (1997–1999). Составитель и участник коллективного сборника «Монарх. Семь самозванцев» (Пермь, 1999). Лауреат премии Союза журналистов России за проект «Дикороссы. Приют неизвестных поэтов», составитель одноименной книги стихов (2002); член жюри «Илья-премии» (Москва) и редколлегии альманаха «Илья». В 2002 г. Беликов – организатор «Собора дикороссов» – большого поэтического съезда-вечера авторов книги «Приют неизвестных поэтов» в Центральном Доме журналиста. Составитель книг молодых поэтов в серии «Илья-премия» – Павла Чечёткина, Арсения Бессонова (Пермь), Ивана Клинового (Красноярск), Анны Павловской (Минск), Андрея Нитченко (Сыктывкар). Член редколлегии журнала «День и ночь». Участник АСУП-1. Живет в Перми.

Филологическая маркировка стихов Ю. Б.

Традиции, направления, течения: модернизм, «эстрадная лирика», метафоризм, соц-арт, «новая искренность».

Основные имена влияния, переклички: П. Васильев, А. Вознесенский, Ю. Кузнецов, П. Вегин, Ю. Влодов, П. Стовбчатый, М. Кудимова, Е. Евтушенко.

Основные формальные приемы, используемые автором: ассоциативность, «теневая метафора», звукопись, игра слов, парадокс, анаграмма.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: иное («косое», скрытое) зрение, траектория кризиса, изгнание, оборотная сторона (спина, изнанка, подполье), тень, лес, аномальная зона, провинция, маргинальность, смута (бунт), апокриф, самозванство, власть, венчание на царство, трагедии национальной истории.

Творческая стратегия: мифотворчество, жизненное настроение, выраженная в тексте и творческом поведении стратегия обретения власти посредством бунта, самозванства, утверждения апокрифической истины.

Коэффициент присутствия: 0,54

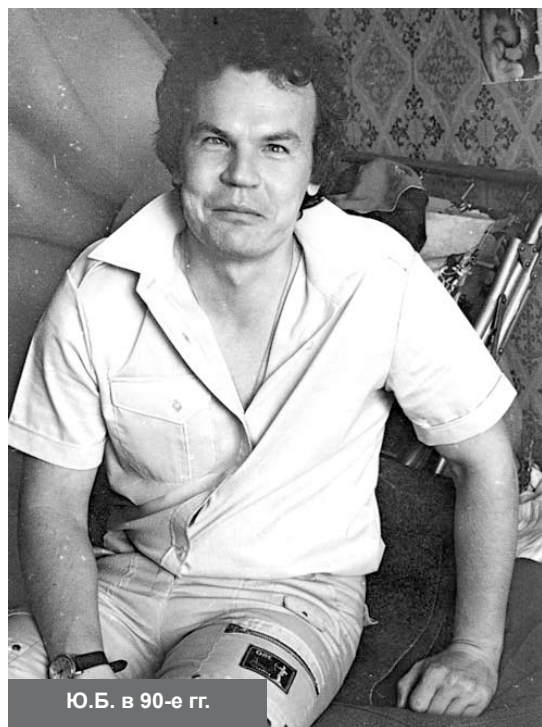
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

(материал подготовлен для книги «Маргиналы» и публикуется с разрешения издательства «Фонд Галерея»)

К своим учителям я отношу, во-первых, чувского журналиста Вилория Глухова. Он давно умер, но мы, с тех пор как повстречались, так до последнего и дружили. Это была дружба творческая, человеческая. А получилось всё как? Я начал писать стихи – классе, наверное, в девятом, и там, в Чусовом, газета заводская есть – «Металлург». Я пришел туда и познакомился с этим че-

Ю.Б. с В. Глуховым

Ю.Б. в 90-е гг.

ловеком. Он заметил мои стихи. Так состоялась первая публикация. Я часто приходил к Вилорию Васильевичу домой, читал новые вещи. Мальчик, живущий в провинции... Хотя Чусовой – город, хранящий литературные традиции. Отсюда вышло много писателей: Астафьев, Курбатов, Голубков, Селянкин... Грин туда заезжал в начале века. Но несмотря на это, традиции уже угасали. Тем, кто воспитывался в городках области, нужен был человек, который бы поддержал, искру Божью воздул, чтоб она не затухла. Таким был Вилорий Глухов. Затем я закончил десять классов, уехал в Пермь, дальше – встреча с Риммой Васильевной Коминой. Я не поступил на дневное отделение (не хватило двух баллов), и меня надумили: можно пойти к Коминой – это единственный человек на филфаке, который может понять и оценить. А поскольку я уже тогда чувствовал в себе поэтическую силу, то пошел к Коминой (в Дом ученых – она там жила) и почти что с порога начал читать стихи. Римма Васильевна послушала, сняла телефонную трубку, сказала: «Пусть его зачислят на заочное. Это – наш человек!». Так я поступил на заочное отделение, а на следующий год, досдав разницу, перешел на дневное. Со Славой Дрожащих мы познакомились через неё же. Я не скажу, что мы сильно дружили со Славой в университете, это уже после университета случилось. А тогда – постепенно вокруг «Горьковца» сформировалась группа, которая затем получила название «Времири». Я помню, когда начал читать Хлебникова, слово «времири» меня порази-

ло, и я понял, что наша группа должна называться именно так. В эту группу входили Юра Асланьян, Толя Субботин, Марина Крашенинникова, Саша Попов, Миша Шаламов, Слава Запольских, был еще Леша Ширикин (теперь он Иванов). Дрожащих во «Времирях», что называется, не состоял, они тогда дружили с Кальпиди, и у нас были «параллельные структуры», если пользоваться современным сленгом...

Однажды на какой-то скучной лекции по политэкономии мы решили: пора завязывать с этим и ехать в Москву. Сели в поезд и поехали: Асланьян, Миша Шаламов, Слава Запольских и я – четверо. Не покорять Москву, а просто... Нам захотелось столичного воздуха. Во время этой поездки в Москву познакомились с Петром Вегиним. Я позвонил Вегину и говорю, что вот «мы – ребята из Перми, хотим с вами встретиться». Вегин оказался очень демократичным человеком, и я могу так сказать: знакомство и дружба с ним оказали на меня тоже существенное влияние. Вилорий Глухов, Римма Васильевна Комина, Петр Вегин – триада людей, которые мне помогли. Это была духовная поддержка. И вот Вегин... Я помню, мы встречались – Асланьян и я – с Вегиним в ЦДЛ, в буфете. Читали ему стихи. Я читал «Венчание на царство в чусовских лесах». Он восхитился: «Мы это стихотворение обязательно напечатаем!». Тогда его напечатать не удалось, это уже позднее оно появилось в пермской книжке «Прости, Леонардо!». После Чусового я работал в «Молодой гвардии». «Эскизом», литературным клубом в этой газете, больше занимались Слава Дрожащих и Татьяна Черепанова. Нужно было легализовать это объединение. Единственно возможная легальная форма существования «творческой молодежи» – при обкоме комсомола. Мне предложили возглавить сектор культурно-массовой работы. Когда я взошел на сей «высокий» пост (в кавычках высокий, потому что, честно говоря, недолго меня хватило на обком, полгода я выдержал, потом ушел кататься на агитпоезде), нам удалось легализовать это творческое объединение. Это уже во времена, когда возникла «Народовольческая, 42».

Короче говоря, обком давал возможность легального существования творцов. На областной семинар творческой молодежи в «Звездном» из Москвы пригласили Инфантэ Арана Франциско – экстравагантного художника испанского происхождения. Вспоминаю, с каким ужасом воспринимали тогдашние столпы Союза писателей и Союза художников имена: Инфантэ Арана Франциско. Лев Иванович Кузьмин (он тогда был ответственным секретарем писательской организации), когда я начал ему перечислять, кто приезжает, отреагировал с непосредственностью детского писателя: «Какая-то еще инфанта?!» Всё

это происходило в пионерлагере «Звездный». По моему, всё тогда было достаточно неординарно, для Перми – так вообще. Но реакция, конечно, комсомольских деятелей, начиная с зав. отделом пропаганды или секретаря обкома, – это было нечто... Мои ощущения: я в чужой шкуре, свой среди чужих, чужой среди своих. Вообще мои нынешние «доброжелатели», проклюнувшиеся умом позднее, да и некоторые «соратники», очевидно, еще не раз и не два будут сверлить пальцем: «А, карьеру делал! В конъюнктурщики лез, тогда как мы...». Нет ничего зловнее мира литераторов. Один мой московский приятель-поэт, бывший вор в законе, как-то сказал: «Всему хорошему я научился в воровской среде, всему отвратному – в литературном мире». Потом пришел агитпоезд ЦК ВЛКСМ, меня от обкома отправили куратором по Пермской области отвечать за работу артистов и лекторов. Я подумал: чем здесь пороги обивать, лучше по стране поезжу. Ну вот, поездил – два года прожил на колесах. Агитпоезд много чего мне дал. Я увидел Россию. Мы ведь ездили: Мурманск, Архангельск, Калининград, нынешний Нижний Новгород, Екатеринбург – все области исколесили. Я увидел людей, потому что каждые двадцать дней – новый состав (я имею в виду: артисты, музыканты, ученые, лекторы). Начиная от заместителя министра обороны Павловского, заканчивая актрисой Натальей Величко (она играла в фильме «Тишина»). Ну, я два года выдержал. Тоже всего насмотрелся: оркестры, фанфары, приемы, сауны, партийные деятели – пьяные, трезвые... Насмотрелся, наслушался до чертиков. И всегда нужно было ломать себя – так сказать, коридоры лжи я проходил. Конечно, не все там было ложью, было и много забавного, иногда даже мужественного, светлого.

VIII совещание молодых писателей – 84-й год. Вот там-то Кальпиди и Дрожащих уже непосредственно познакомились со Ждановым и Еременко.

Я на этом совещании от Перми был в числе официальных участников. Дрожащих и Кальпиди приехали «нелегалами», я их познакомил с Вегинным, Вегин взял их в свой семинар. С Еременко я был знаком раньше, да и, по моему, со Ждановым... Позвонил Еременко, сказал, что приехали такие-то поэты из Перми. Он тогда съерничал: «К зырянам Тютчев не придет!».

Собрались на квартире: Еременко, Жданов, Бунимович, еще кто-то. На чьей квартире – не помню. Скорее всего, у Еременко. Зато припоминаю такой эпизод: у Вани Жданова вышла первая книжка – «Портрет» – и вот стоит бутылка водки, с одной стороны, как положено, этикетка, а с другой наклеена обложка книжки Жданова (там, где у Вани портрет и аннотация). Сия выдумка, конечно, – дело рук Ерёмы. Ну вот, пьянка, чте-

Р. В. Комина

ние стихов, кто-то с кем-то танцует – там, само собой, и девушки были. Интересно, как восприняли Кальпиди: одна дама, кажется, Галя Еремينا, сравнила Кальпиди... – с Павкой Корчагиным. Очевидно, к этому уподоблению подтолкнули экспансивная манера Виталия, горящие глаза, резкие жесты. Этаким поэтическим Павка. В общем, познакомились...

Я закончил ВКШ при ЦК ВЛКСМ – отделение журналистики. Кстати, эту же школу в свое время закончил Вампилов. Меня должны были распределить в журнал «Юность». Ну а я тогда грешил эпиграммами разными, шаржами – в ЦК комсомола собрали на меня досье, что, дескать, я пишу антисоветские стихи. Это уже 87-й год был. Год первой публикации моих стихов в журнале «Юность».

Но еще до «Юности» у меня была публикация в журнале «Смена». Я не тот юбилейный, репортажно-зарифмованный выпуск имею в виду – в нем публикация получилась вынужденная... В «Смене» лежала нормальная подборка моих стихов, и она долго не выходила. И вдруг из Москвы звонит Юра Поляков, тогдашний редактор отдела литературы в журнале, и говорит: «Вы же были комиссаром агитпоезда...» А дело в том, что «Смена» должна была меня рекомендовать в качестве официального участника на VIII Всесоюзное совещание молодых писателей. Я спрашиваю: «А как же моя подборка, которая лежит у вас, и вообще участие в совещании?». Поляков отвечает: «Это будет зависеть от вас». Я подумал: ладно, хрен с вами. И среди прочей стихотворческой дребедени внедрил настоящие стихи. Они тут же эти стихи выкинули, оставили только гольную

конъюнктуру, и ее опубликовали, за что мне до сих пор стыдно. Но, с другой стороны, если бы я отказался, – я бы не попал на это совещание, и Кальпиди с Дрожащих не попали бы к Вегину: тут цепочка была совершенно жесткая. Я ж понимал, в каком мире живу. И чтобы легально существовать в «этом» мире, нужны были какие-то ходы – полулегальные или даже черные. Приходилось играть. Короче, я поехал по распределению в ту же «Молодую гвардию»...

Там я задержался буквально на месяц, потому что тут же подготовил очерк о Борисе Дьякове, авторе «Повести о пережитом». Эту повесть о сталинских лагерях он выпустил в 60-е годы. И тут (а тогда же существовал так называемый ЛИТ, всё, что готовилось к печати, прочитывал цензор) – звонок в секретариат «Молодой гвардии»: «У вас что – журнал «Огонек»?!» И эту публикацию снимают, в свет она не выходит. Я хлопая дверью, ухожу из «Молодой гвардии». Уезжаю в Чусовой, но уже не в «Чусовской рабочей», а в «Металлург», где были напечатаны мои первые стихи...

Снова пожил в Чусовом, потом решили квартиру обменять – переехали в Пермь. Опять – «Молодая гвардия». Там уже редактор сменился – Залевская пришла. Газета тогда была на волне, ее все читали. Ну а потом – «Дети Стронция». А!.. До «Детей Стронция» – «Политбюро». Идея была моя. Часть «Времирей» оставшихся (Асланьян, Субботин и я) и Дрожащих, оставшийся от Кальпиди, – объединились в группу «Политбюро» («Пермское объединение литературных бюрократов»). Это была форма шаржирования тогдашнего Политбюро, которое еще существовало во главе с Горбачевым, – и вот у нас тоже были: свой генсек – Юрий Беликов, секретарь по идеологии и сельскому хозяйству – Владислав Дрожащих, министр внутренних дел – Юрий Асланьян и кандидат в члены Политбюро – Анатолий Субботин. Выступая, мы представляли друг друга по имени-отчеству: Владислав Яковлевич, Анатолий Павлович. Мы выступали и читали стихи социального плана, хотя этот план в большей степени был растворен в образах, метафорах. Словно ища политического убежища, мы поехали на Алтай – нас пригласили на I Всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох» – в Бийск. «Политбюро» сделалось лау-

реатом этого фестиваля. По ходу нашего действия – в духе традиций того, другого Политбюро, мы вручали друг другу смешные награды: орден св. Станислава Куняева (на тарелке – фотография Куняева в короне), медаль «За женскую рифму» (в виде двух крышечек от экспроприированных редакционных кофейников). Асланьян наградили «орденом Подвязки» – это была телефонная трубка от старого аппарата (возможно, кто-то из членов «Политбюро» свистнул ее всё в том же ДК телефонного завода). Мне присудили Гран-при – титул «Махатма российских поэтов», облачили в черную мантию, подарили пишущую машинку – «Любаву». Классная была поездка. Там, на Алтае, мы подружились с екатеринбуржцами: Игорем Богдановым, Женей Ройзманом, Андреем Козловым. Козлов нынче глава кришнаитов Урала – зовут его Ананта-Ачария-Дас. А я – единственный «Махатма» российских поэтов в истории отечественной словесности, потому что до меня были всего лишь «короли»: Северянин там, Еременко, а «Махатма» – один... *

---

* Чтобы снизить пафос финала очерка, приводим воспоминания Андрея Козлова об этом эпизоде: «Однажды к Касику (Евгений Касимов) пришел знакомый парень (забыл имя). Он был каким-то функционером в алтайском комсомоле и решил затеять в Бийске Всероссийский фестиваль поэзии. Мы согласились, подтянули пермяков и поехали. Были Ройзман с «Интернационалом», Тягунов, Дрожащих, Беликов, люди из Барнаула (юные и кудрявые), из Москвы (очкарики), еще откуда-то. Не так уж много, но все же. Мне в обязательной конкурсной программе участвовать не пришлось, потому что меня попросили участвовать в жюри. По всему в победители выбивался Женя Ройзман. Но возникло одно «но»: в одном из своих стихотворений Женя матюкнулся без многоточий, вслух. Бабулькам и представителям комсомола это очень не понравилось. Но приятель, курирующий проект, буквально взмолился: «Мне кирдык устроят, напишут, что матерщинников вместо поэтов привез». Ясно было, что так именно и напишут, и скажут.

– Ладно, – говорю, – тогда Юра Беликов будет, но не «королем поэтов», а «махатмой поэтов», потому что здесь Алтай-Шамбала, экс ориенте люкс. Так приходит мирская слава».